

субботние истории для взрослых от Олеси Бузины

Свечка и кочерга ■ Гоголь и Булгаков — два самых христианских писателя в нашей литературе. По стечению обстоятельств, которое не может, на мой взгляд, быть случайным, оба были потомками священнослужителей

ПОЕДИНОК С ЧЕРТОМ

ГОГОЛЬ

«И ЗА ТЫСЯЧУ ЗЛОТЫХ НЕ ЗАХОЧУ ОСКОРОМИТЬСЯ»

■ Привыкнув к бесчисленным романам Пушкина, гусарскому разгулу Лермонтова, фразе Толстого о женщинах («В молодости я был неутомим») и уже привыкая потихоньку к тому, что Шевченко захаживал в публичный дом, мы почему-то не хотим представить, что Гоголь на всю жизнь мог остаться девственником. А ведь так, скорее всего, и было.

Нервная натура автора «Ревизора» в реальности не шла дальше эротических фантазий. Он панически боялся борделя — единственного легального места, в котором в те пуританские времена, когда невесты выходили замуж нетронутыми, можно было сливать излишки сексуальной энергии.

Отсутствие презерватива, еще не изобретенного, сулило большие неприятности от встречи с соблазнительными демониями, населявшими этот антипод рая. Черт тут присутствовал убедительно и зримо. У молодого Гоголя хватало благоразумия

«Вий». Из-за образа ожившей паночки Гоголя даже обвиняли в некрофилии

избегать этого его воплощения.

Гоголю пытались приписать некрофилию — эротическое влечение к мертвецам. И это на основании того, что в «Вие» он описал, как живую паночку-ведьму в гробу. Мазохизм — потому что, видите ли, та же ведьма, только в виде старухи, оседлала философа Хому Брута, а он при этом испытывает «бесовски сладкое чувство». Даже — трансвестизм. Для

есть только боязнь оказаться под женской властью. Как пишет Гоголь об Андриде в сергах, «он представлял смешную фигуру». Как говорит гоголевский Хома Брут той же ведьме: «Нет, голубушка! Устарела».

В женщине писателя страшила именно способность превращаться из ангела в ведьму, из молодой красавицы — в уродливую старуху. От нее шла жизнь. И от нее же — смерть. Гоголь был не согласен с этим законом нашего демонического мира. Его герои-мужчины гибнут, теряют достоинство и честь, подчиняясь женщинам. И торжествуют, когда их превосходство отрицают. Торжествуют, начиная от комического проходивца Хлестакова, который соблазняет сразу и жену и дочь городничего, заканчивая титаном Бульбой, живущим по принципу: «Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает».

В реальной же жизни у него не было романов. По крайней мере, явных. А если и было, то он очень хорошо умел их скрывать. Возможно, нам еще откроются тайны, не доступные сегодня.

Мир Гоголя невозможно понять без учета его глубокой религиозности. Он родился в богобоязненной семье. Его первым точно установленными предками были православные священники Яновские. Полная фамилия писателя — Гоголь-Яновский. Дворянство получил только дед писателя — Афанасий Демьянович (или Дамианович, как он любил себя высокопарно называть). Он дослужился при Екатерине II до майора и вместе с офицерским чином прибавил к своей поповской фамилии прозвище Гоголь.

В это время верхушка малороссийского общества была озабочена поиском благородных корней. Тщеславный Афанасий Дамианович претендовал на происхождение не от кого-нибудь, а от знаменитого полковника Гоголя, жившего во времена самого Хмельницкого! Правда, он не помнил, как точно звали предка, якобы получившего еще при короле Яне-Казимире шляхетство: Остап или Андрей? И в претензиях на дворянство склонялся ко второй версии.

Специалисты по генеалогии еще в XIX веке разобрались его наивную ложь. Пантелеймон Кулиш, написавший первую биографию знаменитого писателя, справедливо подметил, что никакой Андрей Гоголь в 1674 г. не мог получить от Яна-Казимира шляхетство, как утверждал Афанасий Дамианович, так как этот король... отрекся от престола еще за шесть лет до этого.

Да и вообще «полковника Андрея Гоголя» не существовало в природе! Как выяснил тот же дотошный Кулиш, «ни в одном известном документе не встретилось не только полковника Андрея Гоголя, но и никакого другого полковника, кроме Остапа». Вот тот действительно существовал. Но отношения к предкам Николая Васильевича не имел.

Окончательно точку в вопросе поставила в 1902 г. газета «Полтавские губернские ведомости». Как раз к 100-летию юбилею автора «Мертвых душ». Разобрав церковные архивы, она выяснила, что первым точно установленным пращуром писателя был некий Иван Яковлевич. Он бежал с Правобережной Украины, все еще принадлежавшей Польше, на

Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, отец писателя

Мария Ивановна Гоголь — мать знаменитого сына

русский берег Днепра и был назначен священником в Троицкой церкви города Лубны. От его имени Иван (на польский манер Ян) предки Николая Васильевича и прозвались Яновскими. Все они по наследству служили священниками, вплоть до гордого Афанасия Дамиановича, тоже окончившего семинарию, но выбравшего светскую карьеру.

Этот Афанасий, по-видимому, был настоящим хватом. Он преподавал иностранные языки детям соседних помещиков и похитил прямо из родительского дома свою ученицу Татьяну — дочь местного «олигарха» Семена Лизогуба, внука самого гетмана Скоропадского. А потом тайно обвенчался с ней, вытребовав приданое и сделав неплохую по местным меркам карьеру. Результатом ее и стало дворянство, фальшивая родословная и звучная двойная фамилия Гоголь-Яновский.

Историю этой женитбы Николай Гоголь использовал в повести «Старостетские помещики», герой которой Афанасий Иванович (даже имя-отчество его только слегка изменено) служил некогда секунд-майором, «был молодцом» и «даже увез довольно ловко Пульерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него». Между прочим, Васильевка — имяние родителей Гоголя, в котором

он вырос, это бабушкино приданое. Предприимчивый женишок получил его от Лизогубов в довесок к украинской Тане.

Две унаследованные от предков струи переплелись в душе Николая Васильевича. Струя авантюризма, мирская, проявившаяся в деле-утогонщике. И духовная, идущая от поколений православных священников. На протяжении всей жизни Гоголь боролся с чертами вокруг себя и бесами в себе. Он усмирал плоть, совершал паломничество к Гробу Господню, не обделывая материальной собственностью, а тратил деньги на путешествия или помощь ближним.

Ужасающие чудовища приходили ему, становясь образами «Вия» и «Страшной мести». Мертвецы вставали из гробов в его голове. Пролетая веками в Украине

кровь стекала страницами «Тараса Бульбы», предостерегая о грядущих кровопролитиях. Он мерил себя слишком строгими категориями, которые пока не доступны большинству из нас, и приходил в отчаяние, что не может соответствовать своему идеалу. Главным вопросом для него было спасение души.

В молодости Гоголь верил, что черта можно оседлать, как это сделал кузнец Вакула в «Ночи перед Рождеством», чтобы стонать на нем в Петербурге и раздобыть черевички для Оксаны. Он и сам отправился в город на Неве, бросив своей знакомой: «Прощайте, Софья Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее».

Им двигало тщеславие. Он ждал мирского признания, еще не подзревая, каким тягостным оно будет. В то время он даже внешне больше всего походил на своего Хлестакова. Очевидцы описывают еще нехрестоматийного беззубого Гоголя в 27 лет, когда он появлялся на первых репетициях «Ревизора»: «Зеленый фрак с длинными фалдами и мелкими перламутровыми пуговицами, коричневые брюки и высокая шляпа-цилиндр, которую Гоголь то порывисто снимал, запуская пальцы в свой туфли, то вертел в руках, все это придало его фигуре нечто карикатурное».

Тупей — это кок взбитых волос. Очень модная тогда прическа. Гоголь был франт, как и его герой. Незалого до этого он извлек свою первую петербургскую любовь — загадочное романтическое увлечение. От переживаний юный писатель сбежал на пароходе в Германию, растратив на вояж все деньги, которые мать выслала ему для уплаты процентов в банк по заложенному поместью. Вернувшись, Николай так расстроился, что отказался от своей доли наследства в родовой Васильевке. Предмет обожания в письме матери он описывал как божество, «облаченное слезкой в человеческие страсти», и упомянул между прочим, что заболел от любви какой-то страшной болезнью.

Перепуганная родительница вообразила, что Никоша подцепил нечто венерическое, что привело Гоголя в ужас. «Как вы могли, маменька, — писал он, — подумать даже, что я — добыча разврата, что нахожусь на последней ступени унижения человечества! Наконец решил написать тебе белезень, при мысли о которой всегда трепетали от ужаса даже самые мыслители мои!»

Страшный суд. Эта религиозная тема всегда была близка Гоголю

«ИТАЛИЯ — РОСКОШНАЯ СТРАНА!»

► Талант Гоголя так велик, что его постоянно хотят растащить по национальным квартиркам. В современной украинской школе его преподают как иностранного писателя. При этом сотни приспособленцев распускают наукообразные бредни, будто Гоголь только то и делал, что ненавидел Петербург и мечтал жить в Италии. Между тем первое напечатанное произведение Гоголя называется «Италия». Оно вышло в Петербурге в журнале с патристическим названием «Сын Отечества», когда его автору было только двадцать.

Италия — роскошная страна! По ней душа и стонет, и тоскует! Она вся рай, вся радости полна, И в ней любовь роскошная везует.

Гоголь написал эти строки, еще не побывав в стране своей мечты. Но когда побывал, понял, что не ошибся. «Кто был в Италии, — писал он в 1837 году, — тот скажи «прости» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на Землю». Славословиями Италию переполнены гоголевские письма друзьям: «Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то: не свою родину, а родину души своей я увидел». Особенно ему нравился Рим. «Кто сильно жил в жизнь римскую, — признавался Гоголь, — тому после Рима только Москва и может нравиться». Он даже называл итальянский язык вторым родным.

Зинаида Волконская

В Риме. Николай Васильевич часто читал «Ревизор» землякам за границей

ДВА БЕСА В СУТАНАХ ОФИЦЕРСКОГО ЗВАНИЯ

■ Тут же его поджидало еще одно самое страшное искушение: два беса, принявших вид хитрых католических попов.

В Риме жила княгиня Зинаида Волконская, принявшая католичество и поселившаяся за границей. Гоголь часто бывал у нее, как и многие другие русские путешественники. Она держала литературный салон. Среди постоянных посетителей его обнаружили два кензда — Петр Семенович и Иероним Кайсевич. Оба в прошлом польские офицеры, участвовавшие в 1831 году в войне с Россией и разбитые победоносной армией гоголевского земляка фельдмаршала Паскевича. Теперь эмигранты они надели вместо мундиров сутаны и занялись вербовкой неокрепших православных душ, склоняя их к переходу в католицизм и проповедуя презрение к России.

Николай Васильевич сразу попал в круг внимания этих предприимчивых прелатов. «Познакомились с Гоголем, малороссом, даровитым великорусским писателем, который сразу выказал большую склонность к католицизму и к Польше», — отметил кензда Кайсевич в дневнике. «Он молод, — вторил собрату о Гоголе Семенович, — если со временем глубже на него поглядеть, то, может быть, он не окажется глук к истине и всею душою обратится к ней». На то же надеялась и княгиня Вол-

конская. Тем более что автор «Вечером» будто бы даже признался, что «польский язык ему кажется гораздо звучнее, чем русский». Так, по крайней мере, утверждали в один голос оба кензда-офицера в письме своему собрату Богдану Янскому.

Дурачил ли их Гоголь? Или, в самом деле, ступил одной ногой на ту дорожку, что погубила его Андрия? Возможно, и то, и другое. Но развязка последовала совершенно неожиданная.

На той же вилле Волконской в Риме умерал от туберкулеза друг Гоголя — молодой поэт граф Иосиф Виельгорский. За минуту до смерти княгиня попыталась притянуть к нему католического священника, чтобы уговорить сменить веру. Гоголь самым решительным образом возстал против этого и привел для исповеди православного попа. Виельгорский умер в вере отцов, хотя истеричка-княгиня и вопила: «Я видела, что душа вышла из него католическая».

После этого Волконская возненавидела писателя и даже не хотела принимать его. Но Гоголь не унывал. Вместо одной души он спас две — свою и друга.

Черт и на сей раз был посрамлен. Пройдет время и московский издатель Погодин запишет в дневнике о визите Гоголя: «Православие и самодержавие у меня в доме».